

А. А. КАСАТКИН

ГОГОЛЬ И ПРОСТЫЕ ЛЮДИ ИТАЛИИ

По призыву Всемирного совета мира все прогрессивное человечество торжественно отметило как великую культурную годовщину столетие со дня смерти замечательного русского писателя Н. В. Гоголя. Знаменательно то обстоятельство, что на венской сессии Всемирного совета мира осенью 1951 г. предложение о международном праздновании гоголевского юбилея было сделано представителем Италии, видным деятелем борьбы за мир, Амброджо Доини. Итальянский народ, как и другие народы мира, высоко чтит великого русского писателя, который прожил в Италии несколько лет своей жизни, хорошо изучил ее простых людей и высказал о них много интересных суждений в значительном, хотя и неоконченном произведении «Рим».

Проблемы, относящиеся к пребыванию Гоголя в Италии, сложны и многообразны. Здесь будут затронуты лишь некоторые вопросы, так или иначе связанные с тем фактом, что имя Гоголя близко и дорого передовым людям этой страны.

Говоря о пребывании Гоголя в Италии, необходимо прежде всего подчеркнуть, что, находясь вдали от родины, наш великий писатель оставался верным ее сыном и продолжал самоотверженно трудиться на благо своего народа, с которым он попрежнему был связан тесными узами и который вдохновлял его на новые творческие подвиги. Достаточно напомнить здесь одно известное место из письма Гоголя к М. П. Погодину, где великий писатель решительно опровергал всякие кривотолки по поводу своего отъезда за границу и которое в то же время бросает яркий свет на обстоятельства, заставившие его решиться на временную мучительную разлуку с отчизной. «Должны быть сильные причины, — с жаром пишет он, — когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел решиться. Или ты думаешь мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли?.. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы,

обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный» (АН, XI, 91)—92, письмо от 30 марта 1837 г.).¹

Всецело поглощенный вдохновенным исполинским трудом, создавая свое бессмертное творение «Мертвые души», великий русский писатель не относится равнодушно к тому, что его окружает на чужбине. В то же время ему глубоко чужды стандартные восторги «форестьеров» (этим итальянским словом, которое Гоголь писал по-русски, он презрительно называл вельможных иноземных туристов) перед Италией и памятниками итальянского искусства. «Есть еще класс людей, — пишет он в одном из своих писем, — которые за фразами не лезут в карман и говорят: как это величаво! как хорошо! Словом, превращаются очень легко в восклицательный знак! и выдают себя за людей с душою. Их не терпит... моя душа...» (АН, XI, 142, письмо к М. П. Балабиной, 1838 г., апрель). Как знаток истории и глубокий мыслитель, знакомится Гоголь с Римом, его руинами, его стариной. Впрочем, в центре римских впечатлений великого писателя не прошлое Рима, не седая античная древность, а живой, современный ему Рим, жизнь римского народа. Не так относилось к Риму большинство русских путешественников того времени. «Что теперь Рим? — спрашивал Матвей Волков в письме от 29 марта 1845 г. — Жалкий город, брошенный посреди огромной пустыни, окруженный вредною атмосферою, беспрестанно убывающий, разрушающийся, покидаемый, пустеющий. В нем есть только прошедшее, а настоящего нет ничего. Душа его — в картинах, статуях и зданиях. Картины и статуи могут быть спасены от всеобщего разрушения; но здания разрушаются, и уже разрушение их отчасти началось. Упадок ценности их есть явный шаг к разрушению».² А вот что писал Гоголь: «Мне кажется... если бы мне предложили — натурально не какой-нибудь государь-император или король, а кто-нибудь посильнее их — что бы я предпочел видеть перед собою — древний Рим в грозном и блестящем величии или Рим нынешний в его теперешних развалинах, я бы предпочел Рим нынешний»; так заявляет он в упомянутом письме из Рима в апреле 1838 г. (АН, XI, 144).

¹ Обращает на себя внимание то, что слова «безмозглого класса» в издании Кулиша были изъяты.

² Матвей Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб., 1857, стр. 129. Отметим в этой книге описание виллы З. Волконской, столь хорошо знакомой Гоголю (стр. 113).

Проникновенным взором художника-реалиста Гоголь вдумчиво наблюдает жизнь и быт простых людей Рима, народные обычаи и нравы.¹ Он пытливо изучает устное народное творчество, народную сатиру.

«Знаете, что я вам скажу теперь о римском народе? — писал Гоголь в только что названном письме. — Я теперь занят желанием узнать его во глубине, весь его характер, слежу его во всем, читаю все народные произведения, где только он отразился. . .

Я думаю, уже вы сами слышали очень многие черты остроумия римского народа, того остроумия, которым иногда славились древние римляне, а еще более — аттический вкус греков. Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтобы не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе. Во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналов, когда город был иллюминирован три дня, . . . во время этого праздника было почти всё дурное время. В первые же дни карнавала — дни были совершенно италийские. . . — в народе вышел вдруг экспромт: „I Dio vuol carnevale e non vuol cardinale“ [«Богу угоден карнавал, но не угоден кардинал» — *Ред.*]. Это напоминает мне экспромт по случаю запрещения папой карнавала в прошлом году. Вы знаете, что нынешнего папу, по причине его большого носа, зовут пульчинеллой; вот экспромт:

«Oh! questa si ch'è bella!
Proibisce il carnevale pulcinella!»

(«О, вот этого еще нехватало,
Запрещает пульчинелла карнавалы!»). (АН, XI, 142—143).

С большой симпатией говорит далее Гоголь о самобытности жителей Рима, в особенности демократической его части.

Эти мотивы впечатлений Гоголя получили непосредственное отражение в его «Риме». Герой повести, пишет Гоголь, «садился и обедал вместе с ними [т. е. с людьми из народа — А. К.], вмешивался охотно в разговор, дивясь весьма часто простому здравому и живой оригинальности рассказа простых неграмотных горожан» (АН, III, 246).

Непосредственно созерцая и изучая жизнь простых людей Рима, общаясь с людьми из народа, великий писатель имел

¹ Несколько биографических справок, топографических указаний и иллюстративных материалов приведено в малозвестной брошюре — *A vent'anni*. По следам Гоголя в Риме. М., 1902. К сожалению, еще не были собраны полностью многочисленные рассказы о пребывании Гоголя в Риме, в частности, о его любви заводить знакомство с людьми из народа, ремесленниками, крестьянами, бывать в римских загородных тавернах, наблюдать различные увеселения для изучения народных обычаев, языка. Кое-какие данные см. в книге: В. В. Гиппиус, *И. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях*. М., 1931.

в своем распоряжении могучее средство — прекрасное знание итальянского языка, находившееся на гораздо более высоком уровне, чем обычные познания зарубежных гостей Италии. Об этом имеется много достоверных свидетельств.¹ Лучшие из них содержатся, повидимому, в самих произведениях Гоголя — прежде всего в «Риме», в тексте которого мы находим целый ряд истинно итальянских выражений, искусно вставленных в речь действующих лиц и являющихся в руках мастера слова прекрасным стилистическим средством.² Очень интересно в этом отношении письмо Гоголя к М. П. Балабиной от 15 марта 1838 г., целиком написанное по-итальянски (АН, XI, 127—128, перевод Е. И. Бобровой, 128—130). Письмо это полно свежих идиоматических выражений, специфических итальянских оборотов речи и, несмотря на свое полушутливое содержание, представляет значительный интерес именно как языковой документ.³

Есть все основания полагать, что Гоголь не только отлично знал практически итальянский язык, но и имел к нему глубокий теоретический интерес. Обращает на себя внимание тот факт, что в «Перечне авторов и книг», составленном лично

¹ Гоголь основательно изучал итальянский язык в Париже в конце 1836 г., еще только готовясь к путешествию в Италию; меньше чем через год после приезда в Рим он вполне хорошо овладел итальянским языком (В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. III, М., 1895, стр. 121 и др.). По свидетельству, относящемуся к 1838 г., о встрече с Гоголем в Риме, он «разговаривал по-русски, потому что иначе он не говорит; по-итальянски и французски лучше читает, чем говорит; но, вообще, понимает, хотя и сказал, что не имеет способностей к языкам» («Литературный вестник», 1902, кн. I, стр. 27); на самом деле, в это время Гоголь и говорил и писал по-итальянски лучше, чем по-французски. Известно, что и впоследствии, при встрече с французами, Гоголь охотно прибегал к итальянскому языку.

Недавно опубликовано любопытное свидетельство ехавшего с Гоголем в Италию В. А. Панова (речь идет о второй поездке Гоголя в Рим): «В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича, — писал Панов К. С. Аксакову 21 июня (3 июля) 1840 г. — Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн. Долгорукого в Москве» («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 592). Факт участия Гоголя в итальянской прессе до сих пор известен не был; отметим также что упомянутая статья Гоголя о замечательном собрании рисунков, хранившемся в Москве (в котором было немало первоклассных произведений итальянских художников, в том числе восемь рисунков Рафаэля), еще не найдена.

² Здесь же можно напомнить об известных итальянских фразах в «Женитьбе», столь своеобразно обыгранных Гоголем (АН, V, 27—28).

³ О работе Гоголя над переводом с итальянского комедии Джованни Жиро «Дядька в затруднительном положении» см. — М. Сперанский и П. В. Гоголь — переводчик, в сборнике «Египос», Киев, 1906, стр. 213—223 (имеется также в виде отдельной брошюры — Киев, 1905, приложение к Университетским известиям), а также в комментарии М. П. Алексеева к новому изданию этого перевода — АН, V, 508—509.

Гоголем для каких-то своих нужд и содержащем имена и названия, хорошо известные писателю, значитесь также академический словарь итальянского языка — *Vocabolario degli Accademici della Crusca*, появление которого в каждом новом издании было значительным явлением в истории языка Италии (АН, IX, 492—493).¹ В воспоминаниях современников великого писателя есть замечания о том, что они часто заставляли его за внимательным чтением и изучением Данте.²

В результате обобщения и изучения всех этих данных невольно напрашивается антитеза между глубоким и разносторонним изучением языка самим писателем и тем схоластическим, поверхностным филологическим образованием, которое получала в то время итальянская светская молодежь и которое Гоголь так жестоко высмеял в «Риме». Учителем героя

¹ В комментариях ред. говорится о «словаре итальянского языка, изданном Венецианской академией в 1612 г.» (IX, 652). Справка эта весьма неточна. Упоминаемый Гоголем словарь, действительно, впервые был издан в 1612 г. в Венеции, но не «Венецианской академией», а Флорентийской академией Круска (основана во Флоренции в 1582 г.), сыгравшей важную роль в выработке норм общелитературного итальянского языка. С другой стороны, Гоголь не обязательно мог иметь в виду именно это издание. Ко времени его пребывания в Италии вышел целый ряд последующих изданий этого словаря, появившихся в разных итальянских городах (напр., в Вероне в 1806 г. и т. д.). С 1842 г. начало выходить пятое основное издание словаря Круска. Напечатание первых изданий словаря в Венеции объясняется тем, что венецианские типографии были в те времена наиболее совершенными в Италии.

² См., напр., — П. В. Анненков. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года, в книге — Гоголь в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 273.

Известный интерес представляет свидетельство о пребывании Гоголя в Риме, относящееся к 1852 году: «...Знают ли читатели, где он (Гоголь — ред.) писал все лучшие лирические места в своей поэме («Счастливы путник, когда после далекой дороги...» — «Русь, Русь, вижу тебя! из моего чудного поэтического далека тебя вижу!...» и др.)? Он их писал, полный тоски по родине, близ местечка *Манциани*, в одной таверне на большой дороге в Рим, в нижнем этаже, почти под землею, приютившись у треножного столика, под шум и говор игроков, игравших на бильярде, в верхней комнате таверны, под свинцовою крышею, раскаленную зноем полуденного солнца! Его спасало то, что он тогда не знал еще по-итальянски и потому не понимал говора толпы, беспрестанно входившей и выходившей из таверны» — «Московские ведомости», 1852, 21 августа, № 101, стр. 1049 — Петербургская жизнь («Письма в редакцию «Московских ведомостей»), IV (подписано — «Д.»).

Свидетельство это косвенно подтверждает знакомство Гоголя с итальянским языком, хотя и относит его к более позднему времени. Автор высказывания, возможно, не учитывает то, что, даже владея литературным итальянским языком, Гоголь мог вначале не понимать существенно отличающуюся диалектную речь Рима и его окрестностей, с которой постепенно освоился впоследствии. С другой стороны, своеобразная манера Гоголя сосредоточиваться давала ему возможность работать и в том случае, если бы он понимал постоянные возгласы и реплики окружающих.

повести, молодого князя, был, как известно, «аббат, строгий классик, почитатель писем Пиетра Бембо, сочинений Джованни дела Casa и пяти-шести песней Данта, читавший их не иначе, как с сильными восклицаниями: „Dio, che cosa divina!“ и потом через две строки: „diavolo, che divina cosa!“, в чем состояла почти вся художественная оценка и критика, обращавший остальной разговор на брокколи и артишоки, любимый свой предмет, знавший очень хорошо, в какое время лучше телятина, с какого месяца нужно начинать есть козленка...» и т. д. «Натурально, что молодой князь узнал немного под таким началом, — с глубокой иронией продолжает Гоголь. — Узнал он только, что латинский язык есть отец итальянского, что монсиньоры бывают трех родов — одни в черных чулках, другие в лиловых, а третьи такие, которые бывают почти то же, что кардиналы; узнал несколько писем Пиетра Бембо к тогдашним кардиналам, большей частью поздравительных...» (АН, III, 219—220). Этот же мотив повторяется и дальше в повести, когда описывается возвращение героя на родину. «Ветурин понесся по улице Корсо, где когда-то ходил он с аббатом, невинный, простодушный, знавший только, что латинский язык есть отец итальянского» (АН, III, 231).

Здесь же в «Риме», в произведении, где обобщаются многие личные впечатления и переживания Гоголя, мы находим указания на то, что Гоголь видел идущее из глубины веков диалектное многообразие Италии и те общественно-исторические условия, которые его поддерживали. «Он видел, как здесь кипел человек, — говорит автор о своем герое, — как каждый город говорил своей речью, как у каждого города были целые томы истории; как разом возникли здесь все образы и виды гражданства и правлений: волнующиеся республики сильных непокорных характеров и полновластные деспоты среди них; целый город царственных купцов, опутанный сокровенными правительственными нитями, под призраком единой власти дожа...» (АН, III, 240 — разрядка наша — А. К.).

Имеются данные о том, что великий русский писатель, глубоко познавший современную ему итальянскую действительность, овладел не только итальянским языком, но и живым римским диалектом, трастевринским наречием (Трастевере, собственно, Затиберье — часть Рима), что позволило ему еще ближе узнать жизнь простых людей Рима, вникнуть в своеобразие народной жизни старинного города.

Владея диалектом, на котором говорят народные массы Рима, Гоголь с величайшим вниманием относится к римской сатирической диалектальной поэзии, ее прошлому и настоящему.

«...Вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli, которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает, — говорится в уже цитированном письме к М. П. Балабиной. — В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться... Они писаны *in lingua romanesca*, они не напечатаны, но я вам их после пришлю».

«Нам известна только одна эпическая литература италианцев, т. е. литература умершего времени, литература XV, XVI веков, — продолжает далее Гоголь в этом письме, которое так много дает для правильного понимания его римских интересов. — Но нужно знать, что в прошедшем XVIII и даже в конце семнадцат[ого] века у италианцев обнаружилась сильная склонность к сатире, веселости. И если хотите изучить дух нынешних италианцев, то нужно их изучать в их поэмах героико-комических. Вообразите, что собрание *Autori burleschi italiani* состоит из 40 толстых томов. Во многих из них блещет такой юмор, такой оригинальный юмор, что удивишься, почему никто не говорит о них» (АН, XI, 143).

Эти высказывания Гоголя очень любопытны. Они свидетельствуют о глубоком интересе классика русской литературы к сатирической итальянской поэзии, о близости его к тем кругам, в которых Белли читал свои ненапечатанные сонеты, о том, что Гоголь на слух, непосредственно из уст автора мог воспринимать эти сонеты, написанные «*in lingua romanesca*» — на римском диалекте, о том, что он сочувствовал содержанию сатиры Белли и мог иметь в своем распоряжении рукописные копии его стихов.

Значение этих высказываний становится еще более очевидным, если их сопоставить с другими свидетельствами о знакомстве Гоголя с Белли. Известно, что в августе 1838 г. французский критик Сент-Бев лично познакомился с Гоголем на корабле, направлявшемся из Чивитавеккия в Марсель. Через несколько лет, в 1845 г., по случаю появления во Франции произведений Гоголя во французском переводе Сент-Бев публикует статью о Гоголе и в ней между прочим рассказывает об этой интересной встрече.

Сент-Бев с сожалением говорит о том, что французская публика тогда еще плохо была знакома с творчеством Гоголя. «Я, впрочем, — говорит он далее, — имел преимущество некогда лично встретить автора на пароходе во время переезда из Рима в Марсель, и тогда по его высказываниям, энергичным, точным и богатым непосредственными наблюдениями нравов, я мог предугадывать то оригинальное и *правдивое*, что должны были содержать сами его произведения».

«Г-н Гоголь в самом деле стремится, повидимому, прежде всего к верности в изображении нравов, к воспроизведению истинного, природного — будь то в настоящем времени или в историческом прошлом. — говорит затем французский критик; — народный дух занимает его более всего, и куда бы ни обращался его взгляд, он с радостью обнаруживает и изучает его».

В этом месте Сент-Бев делает интересное примечание: «Так, г-н Гоголь мне сказал, что он нашел в Риме истинного поэта, поэта народного, по имени Белли, который пишет сонеты на трансевтеринском наречии — притом сонеты, следующие друг за другом и образующие поэму. Он говорил мне о нем очень подробно и так, что убедил меня в оригинальном и превосходном таланте этого Белли, который остался совершенно неизвестным всем путешественникам».¹

Можно пожалеть, что Сент-Бев в этой интересной статье о Гоголе так скупо передает содержание своей беседы с великим русским писателем и, в частности, беседы о римском поэте Белли. Но так или иначе, слова Сент-Бева дают еще одно подтверждение близкого знакомства Гоголя с поэзией римского сатирика. Гоголь, как это явствует из слов французского критика, был не только знаком с творчеством Белли, но он явился тем человеком, который нашел самобытного римского поэта, остававшегося до Гоголя «совершенно неизвестным всем путешественникам», сделал его имя известным за пределами Рима, привлек к нему внимание литературной критики.

Характеристику Белли, данную Гоголем, следует дополнить здесь некоторыми сведениями.² Джузеппе Джоаккино

¹ С.—А. Sainte-Beuve. *Nicolas Gogol. Premiers lundis*, t. III, 1875, стр. 25—26, текст и прим. (перев. наш. — А. К.).

Об отношении Гоголя к Белли писали В. П. Горленко, «Поэт, открытый Гоголем» (в его кн. «Отблески», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 59—78); С. Шамбинаго, «Гоголь и Рим» (в его кн. «Трилогия романтизма», М., 1911, стр. 113), еще ранее, П. Д. Боборыкин — на основании своих римских впечатлений («Русские ведомости», 1899, 6 мая, № 123, стр. 2—3 и 1 июня, № 149, стр. 2—3); см. еще Н. О. Лернер, «Сент-Бев о Гоголе», «Звезда», 1930, № 1, 219—221.

² В данной статье были использованы след. издания Белли и работы о нем: Giuseppe Gioachino Belli. *Duecento sonetti in dialetto romanesco*. Firenze, 1870, 1 ed. fiorentina, с вступит. статьей Luigi Morgandi. *La satira in Roma e G. G. Belli*, стр. 3—63. — E. Bovet. *Le peuple de Rome vers 1840 d'après les sonnets en dialecte trasteverin de G. G. Belli. Contribution à l'histoire des mœurs de la ville de Rome*, I. Neuchâtel — Rome, 1898. — G. G. Belli. *Sonetti romaneschi*, vol. I—II. Roma, 1944 и 1945, с вступит. статьей Roberto Vighi и Giorgio Vergara Caffarelli. *La vita e l'opera di G. G. Belli*, vol. I, стр. V—XXXVIII; см. также — Guido Mazzoni. *L'Ottocento*, в собрании «Storia letteraria d'Italia scritta da una Società di professori». Milano, 1913, стр. 647—652.

Белли — это очень своеобразный поэт-сатирик, писавший на римском диалекте, бытописатель народных масс Рима. Поэтическое наследие Белли весьма велико. По неполным данным, он написал 2279 сонетов. Ни один из них не мог появиться в печати при жизни поэта, родившегося в 1791 г. и умершего в 1863 г.¹ Объясняется это прежде всего главным содержанием творчества Белли, гневная сатира которого беспощадно бичевала папство, католическую реакцию, всех притеснителей простых людей Рима и Италии. Словами страждущего народа Белли формулирует страстное обвинение против террористического папского режима, против иезуитов, папских чиновников, военных наемников, полиции и судей, против всех душителей свободы. Чтобы дать представление о сатире Белли, мы приведем здесь вкратце содержание одного из его сонетов, обращенных против папства.

«Посреди моего сада есть большое дерево, в своем роде единственное в мире и уже всё изъеденное червями; однако, каждый год оно приносит плоды, внешне красивые, но кислые и ядовитые. . . — писал Белли, пользуясь прозрачной аллегорией. — Кое-кто мне говорил, чтобы я его привил и что тогда его плоды мало-помалу станут съедобными. Но один карбонарий из числа моих друзей сказал мне, что нет другого средства кроме топора и огня, ибо червоточина, злокачественная язва находится в самых корнях его». Не приходится удивляться, что в папском Риме автор этих строк не находил издателя.

Злая сатира Белли обрушивается не только на папство вообще, но и непосредственно на папу Григория XVI, отличившегося в истории своим жестоким террором против демократических сил Рима и Папской области на всем протяжении своего правления с 1831 по 1846 г. Народный поэт наносит сокрушительные удары по всем ступеням католической иерархии. Он громко обличает кардиналов, издевательски изображает их сборища, процедуру избрания пап и другие церемонии. Описывая празднование годовщины Рима, Белли говорит о кардиналах: «Им есть, что праздновать, для них благословен тот час, когда Рим возник, чтобы давать им хлеб — хлеб, украденный у того, кто страждет и трудится». Самое слово *cardinali* Белли, пользуясь анаграммой, переделывает в *ladri cani* («воры — псы»).

¹ Издатели упомянутого двухтомного собрания сонетов Белли — Виги и Вергара Каффарелли говорят о наличии нелегального краткого издания сонетов Белли, содержащего всего 21 сонет; вместо имени автора в этом издании было поставлено просто «Il poeta trasteverino» — «Транстеверинский поэт». Относительно места и времени издания этого краткого сборника — Parigi, 1862 — они выражают сомнения (стр. XVII. прим. 1).

С возмущением изображает Белли, как кардиналы, управляющие «вечным городом», относятся к народным нуждам. В одном из сонетов на эту тему описывается беседа между секретарем кардинала и бедной голодной женщиной: «Кстати, о вашем прощении, в котором вы просили кардинала о помощи для вашего мужа, находящегося в больнице, и в котором вы пишете, что спите под лестницей с четырьмя полуголыми детьми. Так вот, его светлость, чтобы удовлетворить вас, сказал мне, зевая, чтобы я завернул в эту бумагу зубочистки». Злободневно звучит сатира Белли в наше время, когда Ватикан, еще более подгнивший, продолжает приносить ядовитые плоды, когда папство в союзе с так называемыми «христианскими демократами» и иностранными империалистами попрежнему угнетает итальянский народ, когда еще более вопиющей стала народная нужда.

Нельзя умолчать в этой связи еще об одном сонете Белли, содержание которого оказывается также злободневным. Во время наводнения крестьяне одного села ищут спасения от воды, которая уже обступила их со всех сторон. «Сжатые, как сардинки. — пишет Белли, — они кричали о помощи. А в это время аббат с верхушки колокольни давал им отпущение грехов. С колокольни? Да, с колокольни! Вы смеетесь, но разве это не бывает всегда именно так?»

Высмеивая горьким смехом папство и его прислужников, всю государственную систему папской монархии, Белли в то же время с величайшей симпатией изображает простых людей Рима, с любовью описывает их быт и нравы. Все это обеспечило большую популярность его сонетам, которые широко расходились в списках, выучивались наизусть читателями и получали в народе новые варианты и дополнения. Некоторые из сонетов Белли очень скоро становились известными Мадзини, находившемуся в эмиграции.

Есть некоторые основания думать, что политическая сатира Белли в какой-то мере содействовала подготовке антипапских выступлений народных масс в Риме под предводительством талантливого простого человека Рима, ремесленника Анджело Брунетти, получившего от своих последователей имя *Cicciacchio* — «подобный Цицерону». За организацию освободительной борьбы Чичеруаккио впоследствии был расстрелян австрийцами.¹

Вместе с тем сам Белли, не имея определенной положительной программы и не примкнув вплотную к освободительному движению Италии, впоследствии становится реакционе-

¹ Его краткую характеристику см. в книге: Революции 1848—1849 гг., т. I, М., 1952, стр. 112—113.

ром и мистиком; он осуждает революционные события 1847—1849 гг. в Италии и не раз порывается сжечь свои сонеты, о которых с такой похвалой отозвался Гоголь.¹ Отказ от борьбы означал творческую смерть поэта, не создавшего более ничего ценного.

Сатирическая поэзия Белли в форме римских сонетов, существенным признаком которых является то, что они пишущая на диалекте, имеет продолжение и в наше время. В конце 1951 г. демократическая печать Италии отметила первую годовщину со дня смерти римского диалектального поэта Трилусса, который также обращал стрелы своей сатиры против католической реакции и также являлся бытописателем простых людей Рима. Осенью 1951 г. орган компартии Италии газета «Унита» в дни традиционного праздника коммунистической печати поместила на своих страницах новые римские сонеты, написанные на злободневные темы. Сильно выветрившийся диалект, сохраняющий лишь некоторые свои особенности, является в них частью жанровой характеристики.

Вернемся к вопросу о римских интересах Гоголя. В уже цитированном его письме к М. П. Балабиной обращает на себя внимание такая фраза: «Случалось ли вам слышать язык их (транстеверян — А. К.) и читали ли вы знаменитую их поэму *Il Meo Patassa*, для которой рисунки делал *Pinelli*?» (АН, XI, 143). Она позволяет сделать вывод, что Гоголю был знаком также и этот образец сатирической римской поэзии. Речь идет здесь, очевидно, о комической поэме в 12 песнях «*Il Meo Patassa*» римского писателя Джузеппе Бернери, или Берниери (1637—1700), написанной им на римском диалекте. В ней впервые появляется образ *Meo Patassa*, истинного транстеверинца. Популярный образ *Meo Patassa* в начале XIX века переходит в римский диалектальный театр.²

Характерно, что Гоголь говорит здесь именно о языке транстеверян; это еще раз подтверждает, что он понимал то живое наречие, на котором говорил герой поэмы «*Il Meo Patassa*» и которым повседневно пользовались его прототипы на улицах Рима. Упоминание об известном римском художнике Бартоломмео Пинелли, изображавшем народ Рима, характерные типы римских горожан, подкрепляет наше убеждение о глубоком и разностороннем знакомстве великого русского писателя с жизнью римского народа.

¹ Об этих изменениях в позиции Белли см.: G. Manacorda. *Gioacchino Belli* — статья в *Dizionario del Risorgimento nazionale*, vol. II. Milano, 1930, стр. 224.

² О Бернери см. — *Giovanni Casati. Dizionario degli scrittori d'Italia*, vol. I, Milano, стр. 127.

Таковы некоторые данные о римском периоде жизни Гоголя, о его отношении к итальянской литературе и искусству. Все свидетельствует о том, что наш великий соотечественник не созерцал равнодушно общественную жизнь Италии, но, наоборот, с пристальным вниманием постоянно изучал ее, находясь все время на стороне народа, на стороне простых людей Италии, глубоко понимая их чаяния и надежды и всецело сочувствуя им. Значительный интерес с этой точки зрения представляет письмо Гоголя из Неаполя художнику А. А. Иванову в Рим, относящееся к 1847 г. В этом письме речь идет о Герцене. «Напишите мне, — просит Гоголь А. А. Иванова, — каким он [Герцен] показался вам, что он делает в Риме, что говорит об искусствах и какого мнения о нынешнем политическом и гражданском состоянии Рима, о чивиках и о прочем» (АН, XIII, 408).¹

Римские впечатления Гоголя были с большой силой обобщены им в незаконченной повести «Рим», истинным героем которой, главным действующим лицом является не юный князь и не прекрасная альбанка Аннунциата, а римский народ, столь хорошо изученный великим писателем.

В целом ряде мест этого произведения Гоголь дает исторически верную картину жизни Италии того времени. Он останавливается в частности на характеристике той обстановки, в которой формировалась «Молодая Италия»: «Молодой князь был отправлен в Лукку, в университет. . . Итальянский университет, где наука влачилась, скрытая в черствых схоластических образах, не удовлетворял новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшие через Альпы». «Сильное политическое движение в журналах с июльской революции, — говорится далее в повести, — отозвалось и здесь. Мечтали о возвращении погибшей итальянской славы, с негодованием глядели на ненавистный белый мундир австрийского солдата» (АН, III, 220—221).

Гоголь дает нам понять незрелость этого движения, не опиравшегося в должной мере на народные массы. Повзрослевший князь, вернувшись на родину, в Италию, размышляет о путях и средствах возрождения своей страны: «И вспомнил он то время, когда еще в университете, в Лукке, бредил он о возобновлении ее минувшей славы, как это было любимой мыслью молодежи, как за стаканами добродушно и просто-сердечно мечтала она о том, и увидел он теперь, как близорука была молодежь, и как близоруки бывают политики, упрекающие народ в беспечности и лени» (АН, III, 241).

¹ В примечаниях ред. к этому письму (XIII, 531) есть ошибка — «чивика» значит не «гражданин», а «полицейский» (guardia civica).

Свободолюбивый, самобытный народ, носитель здоровых начал — вот та сила, которая будет определять судьбы Италии. Именно эта мысль лежит в основе повести Гоголя о Риме. «... Народ, в котором живет чувство собственного достоинства, — так называет Гоголь народ Рима: — здесь он il popolo, а не чернь, и носит в своей природе прямые начала времен первоначальных квиритов; его не могли даже совратить наезды иностранцев, развратителей недействующих наций, порождающие по трактирам и дорогам презреннейший класс людей, по которым путешественник произносит часто суждение обо всем народе» (АН, III, 244—245).

С истинным пафосом глубоко демократические идеи выражены и в дальнейших словах повести: «Самая нелепость правительственных постановлений, эта бессвязная куча всяких законов, возникших во все времена и отношения и не уничтоженных поныне... — всё это не искоренило высокого чувства справедливости в народе. Он порицает несправедливого притязателя, освистывает гроб покойника и впрягается великодушно в колесницу, везущую тело, любезное народу» (АН, III, 245). Слова эти злободневны и для сегодняшней Италии с ее антинародным законодательством и судебным произволом, который служит интересам «несправедливых притязателей», управляющих страной.

В «Риме», как и во всем своем творчестве, великий писатель приходит к прогрессивным идеям о решающей роли народных масс в историческом процессе. Герой повести «весьма часто задумывался над нынешним значением римского народа. Он видел в нем материал еще непочатый... Отмечали на страницах истории имена свои папы, да аристократические дома, но народ оставался незаметен... Его не коснулось образование и не взметнуло вихрем сокрытые в нем силы». «... Все это показывало ему, — читаем мы далее, — стихии народа сильного, непочатого, для которого как будто бы готовилось какое-то поприще впереди» (АН, III, 243, 245).¹

Значение этих замечательных слов Гоголя тем более велико, что они были написаны накануне бурного подъема освободительного движения в Италии, провозвещающая близкое начало крупных исторических событий.

Как и в других странах мира, творчество великого русского писателя получило в Италии всеобщее признание. Произведения Гоголя много раз переводились на итальянский язык.

¹ На эти места гоголевского произведения справедливо обращает внимание Джузеппе Берти в юбилейной статье о Гоголе — Giuseppe Berti, *Il realismo russo nelle opere di Nicola Gogol. Nel centenario della morte*. «Rinascita», 1952, febbraio, № 2, стр. 104—109.

Переведен был также и «Рим». Сборнику произведений Гоголя на итальянском языке, включающему в себя «Рим», украинские повести и часть писем, вышедшему во Флоренции в 1883 г., было предпослано интересное предисловие, которое ясно говорит о том, какой отклик творчество Гоголя уже тогда нашло в Италии. Мы воспроизведем из этого предисловия наиболее любопытные места.

«Несравненный комедиограф, Гоголь силой своего неисчерпаемого комического таланта описывает так верно, изображает столь живо и выразительно, во всем их смешном облике персонажей русской бюрократии, что мы не можем удержаться от смеха, — читаем мы в этом предисловии; — сарказмом и комическими приемами безжалостно, до крови бичуя порок, он показывает его нам в неприкрытом виде, во всем его безобразном отталкивающем облике».

«Художник в самом высоком значении этого слова, весь вдохновение, весь огонь, он очаровывает читателя волшебством своего стиля, наделенного сильным и теплым колоритом, — говорится здесь далее. — Каждое его описание — это произведение живописи, это новая, поразительная картина, на которой он широкими и непринужденными мазками наложил ослепительные краски своей богатой палитры».

«Лишь душа великого художника, какой и была его душа... — продолжает автор предисловия, — лишь человек, рожденный среди поэтического и славного своим прошлым народа, мог испытывать при виде Италии чувства радости, скорби и невыразимой грусти, которые повсюду бросаются в глаза в его „Риме”».

Особенное внимание привлекают здесь к себе следующие слова «...У итальянцев... всегда будет основание достойным образом ценить гений бессмертного писателя, видя... как этот сын украинских степей сумел своей душой проникнуть в судьбы и в будущее их страны, предсказав почти наверняка ее близкое Рисорджименто».¹

Библиография итальянских переводов Гоголя очень обширна. Поражает то, что произведения Гоголя издавались не только в таких крупных центрах, как Милан, Турин, Флоренция, но и в небольших городах, вовсе не блещущих большим

¹ Nicola Gogol. Roma. Novelle ucraine. Lettere. Firenze, 1883, Prefazione, стр. III—VI.

В юбилейные гоголевские дни об этом отзыве, а также о других в высокой степени сочувственных высказываниях о Гоголе таких известных итальянских писателей, как Луиджи Капуана, Антонио Фогаццаро, Матильда Серао и др., напомнил М. П. Алексеев в своей статье «Gogol in Italia», помещенной в журнале «Notizie Sovietiche», Roma, 1952, anno VII, 15 marzo, № 137, стр. 9—10.

размахом издательского дела. С законной гордостью видим мы в этих фактах конкретное проявление мирового значения творчества Гоголя, еще одно свидетельство всеобщей любви народов разных стран к великому писателю.¹

Храня память о Гоголе, мы выражаем уверенность в том, что передовые люди итальянского народа вновь и вновь будут обращаться к бессмертным гоголевским произведениям и во всем оптимистическом, жизнеутверждающем творчестве гениального русского писателя, в его гневных словах из повести «Рим» о «неправедных притязателях», об «иностранцах-развратителях», о «ненавистном белом мундире австрийского солдата», которому в других исторических условиях соответствует еще более ненавистный американский мундир, почерпнут новую энергию для продолжения благородной борьбы за мир и демократию против «неправедных притязателей», властвующих сегодня над Италией, против «иностранцев-развратителей», желающих за доллары купить душу народа, против заокеанских «форестьеров», втягивающих Италию в свои преступные планы. Мы знаем, что эта борьба итальянского народа закономерно придет к тому моменту, когда она, — употребляя гоголевские слова, — «вихрем взметнет сокрытые в нем силы».

¹ П. Черняев (Успехи русской литературы в Западной Европе за последнее время, Казань, 1885, стр. 18—19) отметил, что Гоголь «особенно пришелся по душе итальянцам: они узнают в его произведениях что-то близкое их сердцу, считают его как бы родным своим писателем, именуют артистом в высшем смысле слова, полным вдохновения и огня, способным очаровывать волшебством своего стиля, яркого и теплого колорита». Далее он ссылается на газетную статью о переводах Гоголя на итальянский язык и приводит из нее следующее место: «Гоголь, говорит переводчик «Тараса Бульбы» на итальянский язык, отождествился с итальянской мыслью: как патриот он чувствовал прошедшее величие, славу искусства и политическое раздробление Италии. С трудом можно найти в европейских литературах перо, подобное Гоголю, когда он говорит об Италии, весь полный горячей любви к ней, ведомый правильным пониманием, живым чувством, беспристрастным отношением ко всему, что представляется его взорам».

Продолжим цитату из этой статьи, в которой мы находим также и следующие слова автора: «Кто из европейских и американских поэтов и романистов, начиная с Ламартина, Байрона и Фенимора Купера и кончая хоть бы П. Гайзе, не писал об Италии! Между тем нет никого, кто бы на немногих страницах, без пустословия, дал бы картину Италии, писанную такой жаркой кистью, кто схватил бы как в фокусе и верно передал сущность итальянского характера так обстоятельно, что его определение безусловно точно и в наши дни, кто, наконец, чувствовал бы — еще до 1848 года — что Италия не мертвая страна и не географическое выражение! Отнеслась ли так верно к Италии хотя бы одна европейская знаменитость, хоть бы тот же Байрон, который провел там столько лет?».

Прогрессивные круги Италии широко отметили столетие со дня смерти великого писателя нашей родины. Демократическая печать поместила в юбилейные дни ряд статей, раскрывающих перед итальянским читателем великое значение творчества Н. В. Гоголя, «оплодотворившего своим гением богатейшую литературу Европы XIX века».¹ Для проведения юбилея был создан комитет, в который вошли известные писатели и деятели искусства. При содействии Итальянского комитета движения сторонников мира был выпущен короткометражный документальный фильм о пребывании Гоголя в Риме. Большие торжества состоялись в крупнейших итальянских городах.

¹ Луиджи Сальвини. Судьба Гоголя. «В защиту мира», 1952, апрель, № 11, стр. 69.

Среди статей итальянской печати отметим — Giuseppe Berti. Il mondo di Gogol. Nel centenario del grande scrittore russo. «Unità», 1952, 2 marzo, № 54, стр. 3.